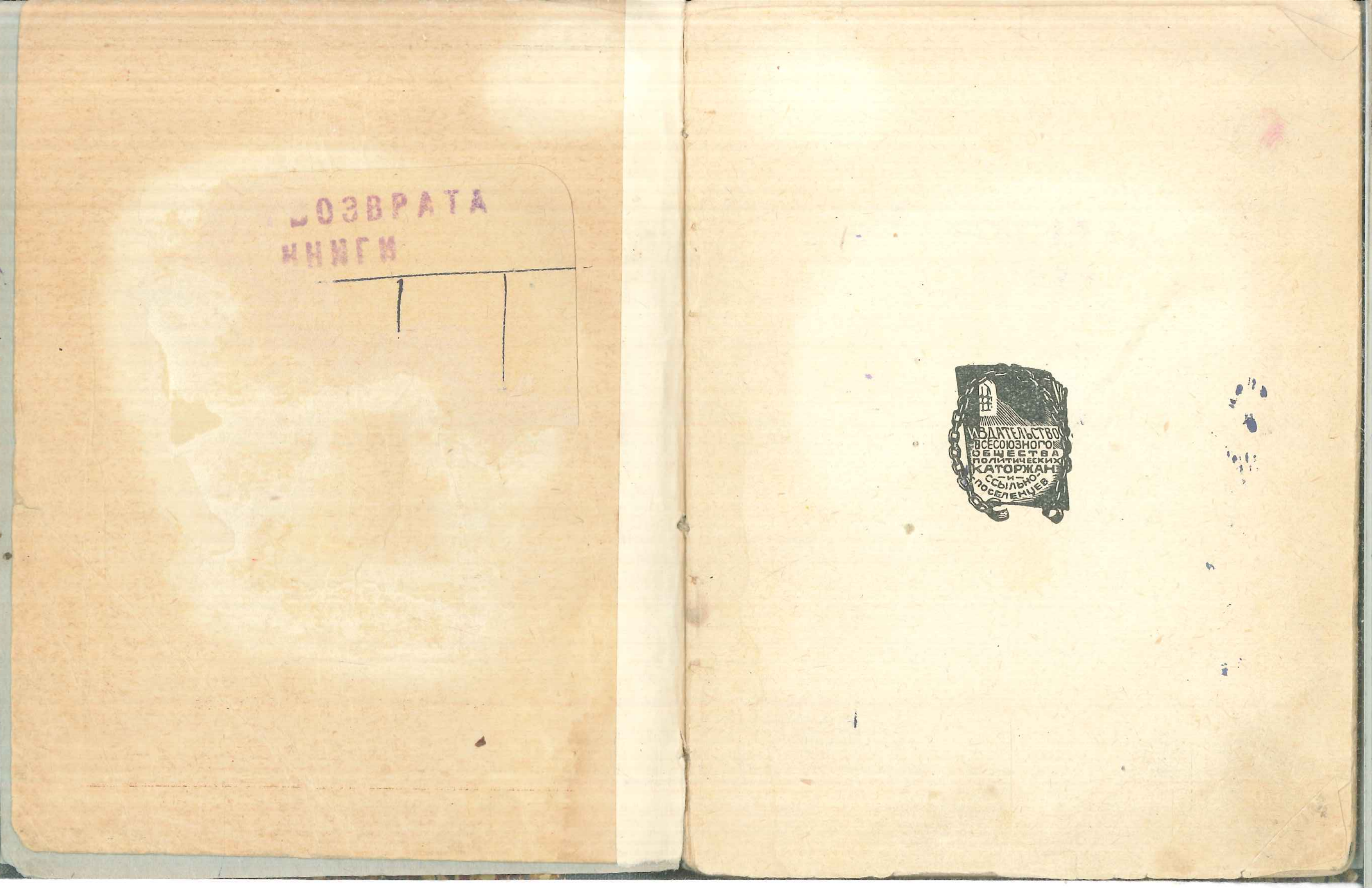

А. КОРНИЛОВА-МОРОЗ

ПЕРОВСКАЯ
И
КРУЖОК ЧАЙКОВЦЕВ

Изд-во ПОЛИТКАТОРЖАН Москва
1929

...ОЗВРАТА
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

А. КОРНИЛОВА-МОРОЗ

ПЕРОВСКАЯ
И КРУЖОК ЧАЙКОВЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

Главлит № А 28545
Тираж 7.000 экз.

Заказ № 2314

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Весной 1868 г. в Петербурге были организованы первые женские курсы, получившие название Аларчинских, так как помещались они в 5-й мужской гимназии у Аларчина моста на Фонтанке. От 6 до 9 ч. вечера там читали лекции лучшие преподаватели того времени: А. Я. Гердт (неорганическую химию), Д. В. Краевич (физику), А. Н. Страннолюбский (математику), Фан-дер-Флит (геометрию), Рашевский (русский язык), Паульсон (педагогику).

Курсы эти ставили своей задачей дать женщинам более основательные знания в размере курса мужских гимназий, чтобы подготовить их к дальнейшим занятиям на высших курсах (открытия их усиленно добивались), а кроме того — и для педагогической деятельности.

Потребность в такой подготовке была так велика, преподавание в женских учебных заведениях велось так поверхностно, что в числе аларчинских слушательниц было много окончивших курс не только в гимназиях и институтах, но и на

педагогических курсах. Их посещали замужние женщины и учительницы; на лекции Паульсона в качестве слушательницы приходила ставшая позже известной писательницей — Александра Никитична Ткачева-Анненская.

При таком составе не сразу, конечно, можно было заметить на первой скамейке слушательницу небольшого роста, гладко причесанную, с большим лбом и мелкими чертами лица, которая в своем скромном коричневом платье с белым воротничком казалась совсем девочкой-гимназисткой. Она так редко возвышала свой голос при обсуждении общих курсовых дел, что многие однокурсницы вовсе не были с нею знакомы. Эта скромная и молчаливая девочка была 16-летняя Софья Львовна Перовская.

II.

Раннее детство свое Соня проводила в провинции — отец ее служил вице-губернатором в Таврической, а потом в Псковской губ. Затем до 1866 г он был гражданским губернатором города Петербурга и Петербургской губернии. Но после выстрела Каракозова Лев Николаевич Перовский был уволен и назначен членом совета министерства внутренних дел. Во время его губернаторства семья занимала отличную казенную квартиру в доме министерства внутренних дел. Там у них часто собирались гости, а иногда устраивались и вечера с танцами. Но малолетняя Соня и старший ее на 3 года брат Василий, неизменный ее товарищ, танцев не любили и не принимали в них никакого участия; на этих вечерах они забавлялись тем, что критиковали нарядных барышень и светских кавалеров, а затем старались скорее ускользнуть в буфет, чтобы на свободе полакомиться фруктами и конфектами.

Когда Соне было 12 лет, она прожила с матерью несколько месяцев в Женеве, где умирал родной брат ее отца. В одном доме с дядей жил близкий его знакомый — декабрист Поджио. Соня подружилась с дочерью Поджио, с которой она и снята на карточке в таком простеньком платье, что совсем не похожа на губернаторскую дочку [1].

Варвара Степановна, мать Перовской, выросла в провинции и светской жизни не любила, хотя и могла бы блистать своей красотой в высших кругах общества. Она охотно уезжала на лето из Петербурга в Псковскую губернию, в имение своих знакомых помещиков. Там она предоставляла дочерям полную свободу играть и бегать с братьями или ходить с ними на рыбную ловлю, не стесняя их правилами приличия, не развивая в них любви к нарядам и светским развлечениям.

III.

После отставки Л. Н. Перовского в 1866 году оставаться жить всей семьей в Петербурге и поддерживать прежние знакомства на ограниченные средства оказалось слишком трудно. Варвара Сте-

[1] Эта фотография воспроизведена в № 2 (15) «Каторги и Ссылки» за 1925 г. *Ред.*

пановна уехала тогда с Соней, которой не было еще 13 лет, и с старшей дочерью, Марией Львовной, в имение Кильбурун — в 10 верстах от Симферополя. Имение это сначала принадлежало умершему в Женеве старшему брату Льва Николаевича, который получил Кильбурун в наследство от их отца, побочного сына графа Разумовского и родного брата графов Перовских.

Пока Перовские жили в Петербурге, в доме жила француженка и приходил учитель для занятий по другим предметам. Когда же Варвара Степановна переехала в Крым, другие имения были уже проданы, и средств к жизни осталось так мало, что приглашать для Сони учителей было не на что. Таким образом, от 13 до 16-летнего возраста Соне пришлось учиться самостоятельно и вести самый простой образ жизни на лоне чудной крымской природы без всяких визитов и приема гостей. Уединенная жизнь зимой оживлялась только на время каникул, когда приезжали из Петербурга старшие братья и устраивались поездки верхом по горам, которые Соня больше всего любила. Помимо того, зимой она много читала, пользуясь богатой библиотекой деда; а летом новую литературу привозил брат ее Василий Львович.

В 1869 году, когда Соне исполнилось 16 лет, имение Кильбурун было продано, и снова пришлось всей семьей жить в Петербурге. Одаренная сильным умом и стремлением к самостоятельному труду, Соня с радостью покидала Крым, намереваясь горячо приняться за систематические занятия.

IV.

Осенью 1869 г. железной дороги от Севастополя еще не существовало. На пароходе до Одессы Соня познакомилась и разговорилась с молодой девушкой, которая ехала в Петербург учиться, чтобы своими знаниями быть полезной народу. Это была Анна Карловна Вильберг, тоже выросшая в Крыму. Она была на восемь лет старше Сони; отличаясь особенной сердечностью и способностью быстро отдаваться чувству симпатии и горячо увлекаться идеями добра и правды, она сразу полюбилась Соне и сделалась первым и задушевным ее другом в Петербурге. Вместе поступив на Аларчинские курсы, они постоянно сидели рядом на первой скамейке и усердно отдались занятиям.

Юная Перовская сразу же обратила на себя внимание своими выдающимися способностями по математике на лекциях А. Н. Страннолюбского; затем еще более — к концу учебного года, когда начались репетиции по физике и химии. После этих репетиций А. Я. Гердт сообщил, что профессор Лесного института А. Н. Энгельгардт предлагает 4 слушательницам поселиться летом в Лесном и заниматься в его лаборатории качественным анализом. Предложением этим воспользовались: С. Л. Перовская, две сестры Перетц и я.

Благодаря тому, что отец Сони с женой и старшей дочерью уехали лечиться за границу и, во избежание лишних расходов, оставили ее на городской квартире вместе с братьями, ей и удалось,

не спрашивая разрешения, поселиться вместе с курсистками.

Мой отец никогда не противился нашим занятиям на курсах и тому, что мы ходим вечером одни, без провожатых. «Не могу же я им нанять 4 гувернанток», — говорил он, смеясь, нашей тетушке, которую огорчала наша нигилистическая внешность; она очень беспокоилась о том, что будет говорить именитая наша бабушка Прасковья Игнатьевна Варгунина [1]. Таким образом, отец охотно согласился отпустить меня в Лесной для занятий в лаборатории. Анна Карловна Вильберг тоже решила провести лето вместе с Перовской.

Наконец, к нам присоединилась еще одна слушательница Аларчинских курсов Софья Александровна Лешерн-фон-Герцфельд, дочь генерала; о такой знатности ее происхождения мы и не подозревали, так мало была она похожа на генеральскую дочку [2].

[1] В конце 80-х годов и позже пользовался большим уважением и известностью Николай Александрович Варгунин, как энергичный культурный деятель и основатель школ для рабочих на Шлиссельбургском тракте. Это был сын Прасковьи Игнатьевны и Александра Ивановича, владельца большой писчебумажной фабрики. Брат его, доктор Владимир Александрович, тоже пользовался популярностью и устроил образцовую школу в своем имении Тульской губернии.

[2] С. А. Лешерн относилась к нам с глубокой симпатией, хотя и мало подходила по возрасту (она была старше Перовской на 14 лет); по своей скромности и молчаливости она производила впечатление малоразвитой личности. Мы не умели тогда оценить по достоинству эту редкой души и преданности женщину и довольно холодно относились к ее чувствам. Она была осуждена на каторгу по делу Осинского, отбывала ее на Каре и скончалась в Вост. Сибири на поселении.

V.

В Лесном по Муринской дороге, недалеко от института, нам удалось найти дачу, разделенную на 4 отдельных квартиры. Мы наняли одну из верхних в 3 комнаты с балконом и кухней, а другую наверху заняли сестры Перетц с матерью, которая согласилась давать нам обеды и самовары. В нижнем этаже под нами поселилась тоже знакомая интеллигентная семья, что избавляло нас от праздного любопытства и всяких пересудов относительно нашего образа жизни.

Совместная жизнь и занятия в лаборатории, одинаковый возраст (мне тоже едва минуло тогда 17 лет), однородный характер духовного развития и общность стремлений — все это скоро оказало свое влияние, и мы с Соней стали самыми близкими друзьями. Конечно, она обладала более выдающимися способностями, особенно по математике, подчиняла меня своему влиянию силой своего характера, но у меня оказалось с ней и много общего. Прежде всего, мы обе росли в замкнутой семейной обстановке.

Как я уже говорила, мать Перовской светской жизни не любила и предпочитала уезжать на лето в провинцию, где дети могли пользоваться полной свободой. Затем с переездом в имение Кильбурун Соня жила в полном уединении, в обществе кавалеров и барышень не вращалась, на костюмы свои и наружность не обращала никакого внимания, лишь бы быть одетой чисто и удобно для верхо-

вой езды, которая составляла любимое ее удовольствие.

Она усердно занималась сама по учебникам и проходила одна элементарный курс учебных заведений. Богатая библиотека деда доставляла ей интересный и разнообразный материал для чтения. Таким образом, выработала она замечательную способность к самостоятельному умственному труду.

К сожалению, С. М. Кравчинский пустил в обращение совершенно неверное представление о Перовской, как о барышне, блиставшей на балах в светском обществе Петербурга. По всей вероятности введенный им в заблуждение П. А. Кропоткин пишет: «В повязанной платком мещанке, в ситцевом платье, в мужских сапогах таскавшей воду из Невы, никто не узнал бы барышни, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах» («Записки революционера», М. 1925 г., стр. 235). Могу вполне удостоверить, что Перовская светской барышней никогда не была, танцев даже девочкой не любила, а с 16 лет стала курсисткой, что, по понятиям того времени, не только в высшем обществе, но и в других, даже скромных кругах, считалось гибельным и неприличным.

VI.

Прадед мой Вас. Савин Корнилов был крестьянином Яросл. губ., Данил. уезда и долго жил в деревне, где сыновья его провели все свое детство. Фирма «Братьев Корниловых» была основана в 1791 г. дедом моим и его братом.

Родилась я и выросла в Петербурге в собственном доме братьев Корниловых (основателей известного фарфорового завода); семейная жизнь наша была тоже чрезвычайно проста и замкнута. Отец мой и его старший брат, жившие вместе, рано овдовели; вести дом на широкую ногу, устраивать приемы гостей было некому, — мы росли в тесном семейном кругу и довольствовались частыми посещениями театров. Одевали меня очень просто, украшать себя ленточками или нарядными платьями у меня не было ни малейшего желания, вообще к наружности своей я относилась совершенно равнодушно. В гимназии нашей франтовство тоже не было развито: весь год я ходила туда в одном и том же коричневом платье. Без всякого стеснения отправлялась я в гимназию не в новенькой шубке, а (бережливости ради) в старинном на беличьем меху салопе моей двоюродной сестры и, вероятно, представляла из себя довольно курьезную фигуру. Как-то раз в этом костюме меня увидел наш гимназический священник [1], приезжавший в наш дом с крестом по боль-

[1] Гимназистки прозвали его фарисеем, потому что он любил читать нотации за какую-нибудь ленточку, а сам ходил всегда франтом и долго расчесывал свои волосы перед зеркалом прежде чем войти в класс. Он много содействовал развитию отрицательного моего отношения к религиозной обрядности и к религии.

шим праздникам; он, видимо, был удивлен и не мог удержаться от замечания:

— Что это такой старушонкой ее одевают?

Единственный брат мой Александр, студент четвертого курса естественного факультета, был всецело охвачен умственным движением 60-х годов, преподавал в воскресных школах того времени, сделался материалистом и ходил летом в красной рубахе с толстой палкой в руках, как это было тогда принято среди нигилистов. Он первый уничтожил в нашем доме посты, уклонился от исполнения религиозных обрядов, стал выписывать «Современник», «Дело» и другие журналы, покупал сочинения Писарева, Добролюбова и других прогрессивных писателей. К сожалению, он умер от сыпного тифа (которого иные профессора тогда не умели еще определить) зимою 1868 года, когда мне не было еще 15 лет. Тем не менее он успел уже оказать сильное влияние на умственное и нравственное развитие как мое, так и старших моих сестер.

Выйдя из института, сестры мои — Вера (по мужу Грибоедова), Надежда (Жохова) и Любовь (Сердюкова) нарядами не увлекались, на балы и по гостям не ездили, а поступили на педагогические и Аларчинские курсы, ходили на публичные лекции и на собрания педагогического общества, охотно посещавшиеся молодежью, чтобы присутствовать на рефератах и прениях таких педагогов, как Евтушевский, Страннолюбский, Краев, Водовозов, Корф, Паульсон, Сиповский и другие. Знакомства сестры мои заводили, главным образом, среди студенчества, присутствовали иногда на сходках в Медицинской академии или бывали на собраниях в литературно-демократических кружках с нигилистическим уклоном, как теперь говорят; так, например, их можно было встретить везде, где до поздней ночи в переполненных молодежью комнатах, в облаках табачного дыма, за бесконечным чаепитием с неизменными бутербродами велись жаркие дебаты по всевозможным вопросам из области психологии, философии, политической экономии...

Уже с 15-летнего возраста, еще до окончания мной курса в гимназии, сестра Вера старалась познакомить меня со слушательницами педагогических курсов, в числе которых была и Ольга Александровна Шлейснер (по мужу Натансон); с ними же я посещала публичные лекции Сеченова по физиологии и лекции Гердта по ботанике на Аларчинских курсах весною 1869 года. Понятно, что, поступив осенью на курсы, я еще теснее сблизилась с кругом учащихся-женщин, с таким одушевлением стремившихся освободиться от устоев старины и всяких традиций, от порабощавшей их родительской или супружеской власти, которые всеми силами старались удержать их в тесных рамках семейной жизни и не отпускать их на широкий путь самообразования.

Таким образом по направлению умственного развития и семейного воспитания у меня с Соней оказалось много общего, отчего и выработались некоторые однородные черты характера и полная солидарность в наших взглядах и стремлениях.

VII.

Практические занятия в химической лаборатории не особенно увлекали меня и Соню; сестры Перетц оказались в этом отношении гораздо прилежнее и превзошли нас своими успехами. Соня гораздо больше любила заниматься математикой; она предложила пройти курс алгебры самостоятельно — по французскому учебнику, так как она находила, что на лекциях Страннолюбского проходят ее слишком медленно. Действительно, она так легко и быстро усваивала этот курс, что я положительно не могла за нею угнаться, и ей многое приходилось мне раз'яснять.

Соня в то время еще сильно интересовалась женским вопросом и думала выступить поборницей равноправия. В течение этого лета мы прочитали вместе: «Пролетариат» и «Ассоциации» Михайлова, «О положении рабочего класса в России» Флеровского; произведение последнего произвело на нас особенно сильное впечатление, возбуждая острую жалость к страданиям народа, его непосильному труду и крайнему невежеству.

По вечерам мы часто отправлялись вдвоем бродить по парку и вели долгие беседы во время этих прогулок. Между тем близ Лесного помещались казармы, и, встречаясь с солдатами в уединенных аллеях парка, мы их несколько побаивались. Тогда мы придумали обзавестись мужскими костюмами; Перовская облеклась в шаровары и суровую рубашку своего брата, а я — в пиджак и брюки моего двоюродного брата. В таком виде мы чувство-

вали себя в полной безопасности, так как никто не обращал внимания на двух подростков.

В этих же костюмах мы ездили по железной дороге в Парголово и нанимали там у крестьян лошадей для верховой езды. Перовская отлично ездила верхом, но мне пришлось впервые сидеть на лошади; признаюсь, положение мое было довольно критическое, когда Перовская и Вильберг, только вскочив на седло, сразу поскакали, и моя лошадь тоже пустилась бежать за ними. Однако я не свалилась, довольно скоро освоилась и с удовольствием стала принимать участие в этих прогулках. Однажды случилось, что лошадь Перовской бежала так плохо, что я ехала впереди. Завидев большую лужу, я стала сдерживать лошадь, а Перовская не заметила этой лужи и, желая меня обогнать, подгоняла свою; но деревенская кляча так внезапно остановилась, что Соня моментально полетела вниз головой прямо в глубокую лужу. Сначала я за нее испугалась, но Соня быстро вскочила на ноги мокрая с головы до ног, и мы обе безумно принялись хохотать. Пришлось тотчас же заехать к знакомой студентке; домой Соня вернулась в чужом платье.

VIII.

В конце августа 1870 г. мы переехали из Лесного в город и опять вернулись под родительский кров. Соня довольно часто стала заходить ко мне и быстро познакомилась с моими сестрами и их по-

другами. Кроме лекций на Аларчинских курсах, Соня, Вильберг и я присоединились к кружку женщин, которым А. Н. Страннолюбский согласился прочитать курс геометрии.

Кружок этот собирался в столовой весьма комфортабельной квартиры на Галерной улице, где жила отличавшаяся своей красотой, недавно, повидимому, вышедшая замуж, Анна Павловна Корба. В этот кружок, состоявший приблизительно из 20 женщин, входили, между прочим, 2 сестры Анны Павловны (Мария Павловна Лешерн и Елена Павловна Мейнгардт), моя сестра Надежда Ивановна, уже окончившая педагогические курсы, и еще несколько женщин, по большей части превосходивших нас своей учебной подготовкой. Среди этой компании Перовская опять выделилась своими математическими способностями: она одна из всех решила данную Страннолюбским задачу, после чего в частном разговоре он сказал, что у нее выдающиеся способности к математике.

В течение осени 1870 г. я тоже была несколько раз у Перовской в квартире ее родителей и занималась с нею черчением под руководством Василия Львовича. Он сообщил нам, что директор хочет допустить женщин в число студентов Технологического института, и у Сони явилось сильное желание поступить туда на механическое отделение. Комната брата, довольно большая и светлая, и другие комнаты были обставлены очень просто — ни зала, ни особой гостиной я не приметила.

IX.

На курсах Соня попрежнему не обращала на себя внимания. Как мало знали ее слушательницы, видно хотя бы из того, что они не выбрали ее депутаткой, когда кружок солидных и уважаемых женщин (в числе их были — М. К. Цебрикова, Стасова, Мордвинова, Философова), проявивших большую энергию, чтобы добиться разрешения открыть высшие женские крусы, обратился к аларчинкам с этим предложением. В результате весьма шумных и оживленных выборов наибольшее количество голосов получили Вильберг и я. Я до сих пор не могу хорошенько понять, почему удостоили меня такой чести и не послали в эту почтенную группу женщин, напр., сестру мою Надежду Ивановну, несравненно более к ним подходившую. Не хотелось бы думать, что мы с Вильберг были избраны, главным образом, благодаря нашему нигилистическому внешнему виду (помимо стриженых волос, она носила синие очки, а я ходила в мужских сапогах), что особенно резко выделяло нас из среды дам по большей части среднего возраста. Впрочем, мы оставались в этом обществе всего несколько месяцев, так как не замедлили примкнуть к какому-то принципиальному протесту радикальной группы, с Софьей Никитичной Ткачевой во главе.

X.

В конце октября, если не ошибаюсь, ассистент по химии Волкова, руководившая нашими заня-

тиями в лаборатории, сообщила, что профессор А. Н. Энгельгардт предлагает прочитать в частной[1] квартире курс органической химии. Наша квартира оказалась вполне для этого подходящей. У нас в зале могли свободно поместиться за раскинутыми ломберными столами и разной величины столиками до 30 слушательниц. Лекция Александра Николаевича была такая блестящая, раскрывала, точно рассеивая какой-то густой туман, такие широкие горизонты, что все слушательницы были в полном восторге. В следующее воскресенье собрались все опять, но вот назначенный час давно прошел, а профессора все еще нет. Прождав часа два, все разошлись с недоумением и тревогой. Через несколько дней мы узнали, что Александр Николаевич арестован и выслан в свое имение Смоленской губернии, откуда он писал потом свои знаменитые «Письма из деревни».

XI.

В течение этого времени мы с Соней начали штудировать «Политическую экономию» Милля с примечаниями Чернышевского и прочитали первый том сочинений Лассаля. Страстное красноречие Лассаля, его популярное изложение экономических факторов и блестящие его речи произвели на нас чрезвычайно сильное, чарующее впечатление; я лично, по крайней мере, не могу вспомнить другой книги, которую я читала бы с таким восторженным и захватывающим интересом.

[1] Публичные лекции ему были воспрещены.

В то время среди молодежи пользовался немалой популярностью студент Медико-хирургической академии Василий Александров, живший в одной коммуне с Натансоном на Вульфовой улице. Он познакомился с Вильберг и предложил ей вместе с нею и ее друзьями прочитать первую главу «Капитала» Маркса, одолеть и понять которую многим было трудно, почти непосильно. Но мы с Перовской отказались от этого предложения, потому что считали более целесообразным изучить сначала основы политической экономии в доступном изложении. Не признавая авторитетов, мы не хотели принимать с чужих слов на веру ту философию, которую не могли изучать самостоятельно, критически.

XII.

Александров, Натансон и другие студенты нередко заходили к нам в дом, но я еще продолжала сильно стесняться в их обществе, вполне сознавая более высокий уровень их знаний и развития. Как-то раз, вероятно с каким-нибудь поручением от сестры или от Шлейснер, очень часто у нас бывавшей и старавшейся привлечь к себе более юных, я отправилась вместе с Перовской на Петербургскую сторону в так называемую Вульфовскую коммуну (она находилась на Большой Вульфовой улице).

В семидесятых годах коммунами назывались общие квартиры, где поселялись студенты или курсистки, вблизи своего учебного заведения.

Так, медики жили преимущественно на Петербургской и Выборгской сторонах, студенты университета — на Васильевском острове, технологи — в ротах Измайловского полка, медички — на Песках и т. д. Материальное положение живущих в коммунах было неодинаково, но все получаемые средства поступали в общее пользование; делились также и всяким имуществом: так, например, платье, пальто или сапоги переходили от одного к другому, смотря по надобности итти на урок или на лекции [1]. Главным принципом такой жизни была взаимопомощь, как того требовала этика нашего поколения. Вообще, значительно удешевляя жизнь, такие коммуны являлись центрами для сближения молодежи между собою, увеличивали влияние более развитых и зрелых на вновь приезжающих, способствовали успеху пропаганды социалистических идей. Вместе с тем они давали возможность, при увлечении социализмом, применять его принципы на практике в своей личной жизни, действительно отрекаться от всех благ «старого мира», живя в обстановке не лучшей, а даже худшей, чем у заводских рабочих, не различая между «моим» и «твоим» и отказываясь от личного пользования состояниями, чтобы употреблять их на общественные дела и цели.

Особенно важное значение имели землячества и коммуны для женщин, которых жажда знаний и стремление к самостоятельности привлекали в столицы из провинций. Зачастую они приезжали без

[1] В «Истории моего современника» Короленко дает яркое описание подобной коммуны.

всяких средств к жизни, порвав всякие связи с своими богатыми, а подчас и знатными родственниками. Все, конечно, надеялись найти работу, но — увы!—надежда эта для неимевших никаких связей и знакомств редко осуществлялась. Многим пришлось бы тогда погибнуть [1], если бы не взаимопомощь в коммунах и поддержка молодежи вообще, охотно спешивший на помощь нуждающимся товаркам—то устраивая их в какую-нибудь коммуну, то делая для них сборы на курсах и среди либеральной публики.

XIII.

Вульфовская коммуна, должно быть, существовала тогда уже не первый год, так как о ней говорили, как о «прародительнице» таких студенческих общежитий. Жили в ней студенты Медико-хирургической академии: Марк Андреевич Натансон, Василий Семенович Ивановский (по прозванию Василий Великий, брат жены Владимира Галактионовича Короленко), Анатолий Иванович Сердюков (будущий член кружка чайковцев), Иван Алексеевич Рождественский (в 1877 году судившийся по процессу 50-ти), Василий Александров (позднее заведывавший в Женеве типографией чайковцев, но в 1872 г. отстраненный от дела за его отношение к женщинам, совершенно не соответствовавшее этическим требованиям членов

[1] Однажды сестру мою Веру прямо на улице остановила незнакомая стриженая девушка и обратилась к ней с просьбой найти ей работу, так как у нее не осталось ни ко-

кружка). Хозяйкой квартиры считалась какая-то акушерка, но фамилии ее и других обитателей и числа их не помню.

Впервые тогда пришлось мне и Перовской итти в такую студенческую коммуну. Знакомство это оказалось продолжительнее и оригинальнее, чем мы ожидали; там оказалась так называемая «засада»: в кухне сидели два солдата, которые всех впускали, но никого не выпускали.

Ночью студенты заметили, что у ворот появилась полиция; как люди опытные, они тотчас сообразили, что у них будет обыск и что, вероятно, хотят арестовать Александрова, который еще не вернулся домой. Тогда они моментально высадили в закоулок на задний двор через форточку Анатолия Ивановича Сердюкова, отличавшегося своей худощавостью и небольшим ростом, чтобы он предупредил Александрова.

Постепенно число попавших в «засаду» все увеличивалось, но полицейские даже не переписывали их фамилий. Публика была в приподнятом, веселом настроении; хозяева гостеприимно угощали всех — в том числе и своих стражей — чаем и обедом из конины, задержанные коротали время за пением и шумными спорами. Все было для нас ново и интересно. Около 10 часов вечера «засада» была снята, и невольно засидевшиеся гости весело и быстро вырвались на свободу.

пейки денег. Найти так скоро работу было невозможно, а предложить незнакомке денег—неловко. Вера догадалась привести ее домой, вырвала лист из какой-то французской книги и передала его, как платный перевод, предложив за него аванс.

Александрова считали сильно скомпрометированным: он был наиболее известным оратором на сходках, и ему угрожала ссылка. Между тем еще раньше он вместе с Натансоном задумывал устроить типографию за границей. Во избежание ссылки, ему предложили привести этот план в исполнение.

До своего от'езда он прожил еще несколько времени нелегально и предлагал мне ехать вместе с ним за границу в качестве его невесты, весьма убедительно доказывая необходимость особой умственной и нравственной подготовки для заключения разумного брака.

Но, прежде всего, я не имела тогда ни малейшего расположения вступить с кем бы то ни было в брак; не меньше Перовской я презирала «бабников»; я с сожалением относилась к учащимся-матерям, связанным заботами о детях и мелочными хлопотами по хозяйству; всякое ухаживание казалось мне смешным или пошлым. Я ответила Александрову решительным отказом, хотя и умолчала при этом, что сам он лично мне совсем не внушает симпатии. Вскоре после его ухода пришла Ольга Александровна Шлейснер и с беспокойством спросила меня, согласилась ли я ехать за границу. Отказ мой, видимо, ее обрадовал,— может быть, у нее уже были подозрения относительно нравственной его испорченности, так сильно скомпрометировавшей его впоследствии. Нечего говорить, что и Перовская вполне одобрила мое решение.

XIV.

В конце ноября, если не ошибаюсь, собрались мы у А. П. Корба на очередной урок геометрии. Соня, сильно взволнованная, рассказала мне и Вильберг, что отец стал ее преследовать, велел ей прекратить знакомство с нами и грозил запереть ее дома, чтобы она не ходила больше на курсы.

Это так возмутило Соню, что она категорически заявила нам, что не подчинится такому насилию, что она решила скрыться из дома родителей и просила помочь ей найти убежище.

Сестра моя Вера в эту же осень, не желая вести буржуазный образ жизни в доме отца, вышла замуж фиктивным браком за Николая Алексеевича Грибоедова. Вскоре затем она поселилась на одной квартире с ее подругами по педагогиче-
на одной квартире с ее подругами по педагогиче-
ским курсам, тоже фиктивно вышедшими замуж, — Зинаидой (впоследствии женой Г. А. Лопатина) и Надеждой Степановными Каралли.

Я тотчас же предложила Перовской итти к ним, нисколько не сомневаясь в том, что ее там охотно примут, как это, действительно, и случилось.

Отец Сони чрезвычайно рассердился; Варвара Степановна (мать) и Василий Львович напрасно старались его успокоить. Дня через два или три после того, как Соня ушла от родителей, поздно ночью, когда я уже легла спать, меня вдруг разбудила Варвара Степановна. Она горячо умоляла меня убедить Соню вернуться домой или сказать,

где она скрывается, чтобы мать сама могла на нее подействовать. Варвара Степановна говорила мне о долге детей подчиняться родителям и ссылалась на то, что мои сестры и я живем же вместе с отцом. Я старалась по возможности ее успокоить, говоря, что никакой особой опасности Соня не подвергается, что она имеет право не подчиняться отцу, раз он хочет прибегнуть к насилию и лишить ее возможности запастись знаниями, при помощи которых женщина только и может избавиться от материального и умственного порабощения. Относительно же себя лично и моих сестер я возразила, что для нас нет надобности бежать от отца, который никогда и не подумает прибегать к какому-либо насилию, всегда охотно уступает нашим желаниям, а приходящие к нам курсистки, с которыми он чуть не ежедневно встречается во время завтрака или обеда, ему даже нравятся [1].

Спустя несколько дней после этого визита, когда я с книжкой сидела в гостиной, в зале, которая соединялась с гостиной двумя арками вместо дверей, появился вдруг полицейский офицер, а навстречу ему из своей комнаты выходит отец.

— Неизвестно ли вам, — спрашивает его офицер, — где находится Софья Перовская, которую мы разыскиваем по заявлению ее отца?

— Право, не могу вам сказать, — отвечал отец, но, заметив меня, прибавил: — Вот, может быть, моя дочь это знает.

[1] Отец мой много лет страдал жестоким ревматизмом и безвыходно сидел дома. Общество живой, смелой и симпатичной молодежи, видимо, доставляло ему удовольствие.

Я подошла к ним и на вопрос полицейского чина отвечала самым наивным тоном:

— Уже несколько дней я не видела Перовскую — на курсах она не была. Я сама собиралась к ней сходить, чтобы узнать, не больна ли она.

Вежливо поклонившись, офицер беспрекословно удалился, — получилось впечатление, что он явился ради исполнения одной формальности.

Тем не менее розыски эти сильно волновали Соню, заставляя ее постоянно сидеть в комнате. Из боязни, что на улице кто-нибудь из знакомых или родственников отца может ее встретить, она не могла ходить на курсы и видеться часто со своими друзьями. Поэтому, желая скорее выйти на свободу, она решила куда-нибудь уехать. Через Шлейснер ее направили в Киев, где она и прожила месяца два — три, кажется, в семье доктора Эмме, пока не получила своего паспорта.

В течение всей этой зимы Лев Николаевич постоянно хворал, и самому ему не приходило в голову обратиться в полицию. Но лечивший его доктор Оккель, бывший в то время врачом в крепости, когда Лев Николаевич рассказал ему о побеге дочери, возмутился ее непокорностью и подал совет немедленно вернуть ее через полицию.

По заявлению Перовского, на его квартиру явился офицер от градоначальника. В пылу гнева Лев Николаевич стал жаловаться, что дочь его находится под влиянием младшего его сына, который, наверное, знает, где и у кого она скрывается. Кроме того, он указал на меня и Вильберг, как на ближайших ее подруг.

Тогда чиновник полиции вызвал Василия Львовича и стал настаивать, чтобы он открыл местопребывание сестры. Василий Львович наотрез отказался это сделать и заявил, что он сам не знает, где она находится, а если бы и знал, то не стал бы помогать полиции насильно возвращать ее домой. Получив такой резкий ответ, офицер потребовал, чтобы Василий Львович на следующий день утром явился к градоначальнику.

Варвара Степановна, слышавшая весь этот разговор из своей комнаты, страшно испугалась за сына. Ей представилось, что его могут арестовать, а за резкое поведение даже подвергнуть физическому насилию [1]. По уходе чиновника она поспешила в кабинет мужа и вышла оттуда в большом волнении, вся заплаканная. Она сказала ему, что сама отправится с сыном к градоначальнику и потребует, если вздумают арестовать сына, чтобы и ее взяли вместе с ним.

Лев Николаевич побоялся, повидимому, слишком большого шума, который, пожалуй, мог бы его скомпрометировать в высших кругах. На другой день он сам поехал с Василием Львовичем к градоначальнику, первым вошел в его кабинет и вел с ним довольно продолжительную беседу. После того допрос Василия Львовича обошелся

[1] В те времена многие еще верили, что в III отделении имеется люк, через который провинившихся в свободомыслии или непокорности внезапно спускают в комнату нижнего этажа и секут. Эта боязнь быть высеченным послужила материалом для едкой сатиры Щедрина.

без всяких инцидентов, а мы отделались только визитом офицера.

Таким образом, через полицию вернуть Соню немедленно не удалось. Беспокойство и волнение ухудшали болезнь отца. Наконец, доктор Оккель и сам это понял и догадался подать более разумный совет:

— Никакое лечение вам не поможет, — сказал он, — пока вы не успокоитесь. Махните на это дело рукой и выдайте скорее дочери паспорт.

Лев Николаевич решился последовать благому совету и поручил старшему сыну Николаю Львовичу выправить Соне отдельный вид на жительство. Она немедленно была об этом извещена и в начале весны 1871 года вернулась из Киева в Петербург.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Желая создать более многочисленный и тесный кружок для продолжения и расширения своей работы среди учащейся молодежи, Натансон и Чайковский задумали организовать на лето 1871 года кружок самообразования и наметили, кого следует в него привлечь из женщин и студентов разных учебных заведений.

Вверх по Неве, в Полюстрове, в дачном поселке Кушелевке, были наняты две соседних одноэтажных дачки с маленькими палисадниками обычного петербургского типа для небогатого класса населения.

Однако, далеко не все намеченные лица согласились провести лето в Петербурге; многие предпочли уехать на родину, чтобы вести пропаганду среди молодежи, которую в те времена усиленно старались развивать.

В состав вновь организованного кружка самообразования вошли: М. А. Натансон, А. И. Сердюков и Н. К. Лопатин [1] — медики; Н. В. Чайков-

[1] Двоюродный брат Германа и Всеволода Лопатиных.

ский, Н. К. Левашев [1] — студенты университета; Ипполит Вернер, Басов и Кокушкин — технологи; наконец, 18-летний вологжанин, не кончивший даже гимназии и только готовившийся к экзамену для поступления в Технологический институт, М. В. Купреянов. Из женщин были приглашены О. А. Шлейснер, А. Я. Ободовская, С. Л. Перовская, Любовь и Александра Корниловы и Н. К. Скворцова, подруга Шлейснер по педагогическим курсам. Сердюков, Ободовская и Любовь Корнилова оставались жить в городе, принимая участие в общих занятиях.

Для систематического чтения и рефератов заранее — по всей вероятности, Натансоном, — была выработана программа, по которой рекомендовалось начинать прежде всего с физиологии, психологии и политической экономии. Руководителем общих чтений и бесед являлся Марк Андреевич; он обращал наше внимание на различные стороны вопроса, углубляя понимание предмета, предлагая искать выводов из прочитанного. Не сразу заметили мы, что выводы эти вытекают для него не из наших горячих споров, но что они были готовы у него раньше и что он, как хороший педагог, лишь наводил нас по намеченному им пути. Но при этом иногда случалось, что наш юный Михрютка, как прозвали мы Купреянова, не поддавался умозаключениям Натансона, рассматривая изучаемый вопрос основательнее и приходя к иным, более глубоким выводам. Вообще беседы

[1] В 1876 г. был кучером при побеге П. А. Кропоткина.

и споры эти были чрезвычайно для всех интересны и полезны (может быть, за исключением самого Натансона, когда он не встречал противоречия).

Мне лично было предложено составить реферат по политической экономии — одной из первых глав Милля с примечаниями Чернышевского. Я чувствовала себя, как гимназистка на экзамене, не уверенная в своих знаниях; однако, выдержала испытание довольно благополучно, при благосклонном отношении присутствующих.

Также благополучно сошел у меня и другой экзамен. Первые недели полторы после моего переезда на дачу, покуда не успели еще нанять кухарку, пришла моя очередь ставить самовар; несколько человек явились на кухню, заинтересованные тем, сумею ли я в первый раз в жизни приняться за эту работу; но я не ударила лицом в грязь и воду в трубу не налила, как, повидимому, ожидал Михрютка, лукаво на меня посматривавший...

Стол у нас был крайне однообразный — суп да котлеты, и притом еще из конины; и готовила наша чухонка совсем невкусно. Зато честности она была необычайной: подметая однажды комнату, она таким испуганным голосом стала звать Ольгу Александровну, что та прибежала встревоженная, подумав, что случилось какое-то несчастье; оказалось, что Елена увидела на полу пятирублевую бумажку...

Никто из нас не роптал на конину и спартанский режим питания, — не могла его выдержать

только одна Ободовская. Однажды, час или два спустя после обеда, Елена при ней заявила, что конина вся вышла, и надо кому-нибудь итти в лавку.

— Разве обед был из конины? — спросила побледневшая Александра Яковлевна; ее тотчас же стало тошнить, и дело кончилось рвотой. Остальная публика только удивлялась влиянию воображения.

Хоть и жалко нам было щенят, живших под нашим балконом, но мы все-таки принесли их в жертву, чтобы, ради борьбы с предрассудками, попробовать вкус собачьего мяса, — оно оказалось не хуже, а, пожалуй, и нежнее телятины.

Соседние дачники заметно интересовались нашим образом жизни и по праздникам целыми компаниями прогуливались мимо наших садиков, в которых мужчины упражнялись гимнастикой на трапеции или состязались в лазании на довольно высокий столб. Наибольшей ловкостью и этом спорте отличался Николай Константинович Лопатин; из женщин одна Перовская могла подниматься над трапецией на согнутых локтях. Иногда мы ездили кататься по Неве на лодке, при чем я была из лучших гребцов.

II.

Мирное течение нашей жизни скоро было нарушено: однажды ночью явились к нам жандармы с обыском, и Чайковский был арестован. Все остальные были переписаны и с них взяли под-

писку, что в назначенный день они явятся на допрос в III отделение.

У меня при этом вышел инцидент особого рода. Не желая напрасно тревожить моего больного отца, я сказала ему, что поеду с Вильберг в Крым, в имение ее родственников. Для большей достоверности, что я нахожусь действительно в Крыму, Вильберг взяла с собою несколько конвертов, написанных моей рукой; в эти конверты она вкладывала мои письма, которые я сочиняла с Перовской о красотах Крыма и поездках по горам; таким образом, мои послания получались отцом с надлежащим почтовым штемпелем. Но беда для меня оказалась в том, что я не могла прописаться на Кушелевке: местность эта считалась пригородом, где при прописке паспорта отправляли справку в городской участок, в котором он был записан, благодаря чему мой обман мог бы легко обнаружиться. Я не могла придумать, как мне выпутаться из затруднения.

Во время самого обыска, на общем совете с Перовской и Шлейснер было решено, что я назовусь Ободовской. Мы находили, что этим я ее не скомпрометирую, потому что ничего у нас не нашли, а она ведь собиралась с нами жить и, следовательно, случайно не попала на этот обыск.

На протоколе после обыска я и подписалась Ободовской, и под ее фамилией отправилась на допрос.

III.

В знаменитом III отделении у Цепного моста допрашивал меня полковник Кононов, произво-

дивший впечатление человека добродушного, сочувственно относящегося к молодежи [1].

Я с Перовской, чистенько и скромно одетые, в своих черных передниках с маленькими нагрудниками, как у гимназисток, вероятно, произвели на жандармского полковника впечатление самых невинных девочек.

Между тем одна из этих «невинностей», нимало не смущаясь, называла себя чужим именем и перечисляла всех членов своей мнимой семьи. Среди прочих вопросов Кононов спросил меня:

— Знаете ли вы Л. И. Корнилову?

С трудом удерживаясь от смеха, я отвечала ему, что познакомилась с нею на курсах.

Между тем незадолго до этого происшествия у сестры Любы, оставшейся жить на нашей городской квартире, был сделан обыск. Поводом к нему послужило то обстоятельство, что у нее несколько раз ночевал Гончаров [2], который скрывался от ареста после выпущенных им прокламаций.

---

[1] На допросах по делу «193-х» это вполне выяснилось; так, напр., симпатичному юноше Вершинину он положительно подсказывал, как следует ему отвечать, чтобы опровергнуть возводимые на него обвинения; благодаря его помощи, Вершинин был выпущен из тюрьмы и вовсе освобожден от следствия; поступив по призыву на военную службу, он дослужился в Сибири до чина полковника.

[2] Позднее Гончаров был осужден на каторгу. Во время процесса присяжный поверенный Утин, защитник Гончарова, мотивировал преступление последнего отчаянием, вызванным холодностью его жены и ее увлечением другим лицом. Возмущенный такой речью, бросавшей тень на женщину, которую он глубоко полюбил, А. Ф. Жохов вызвал Утина на дуэль и был тяжело ранен. После смерти Жохова талантливая, кра-

При обыске в отдельной комнате нашли только заношенную мужскую рубашку — других же следов не оказалось.

На допросе в III отделении у того же Кононова сестра показала, что рубашка эта оставлена двоюродным братом, который иногда, приезжая с дачи, будто бы ночевал у нее.

Очевидно, полковник Кононов был плохим физиономистом [1], так как я имела поразительное сходство с сестрой, и нередко случалось, что мало с нами знакомые люди принимали нас одну за другую, даже в то время, когда я была стриженая, а сестра носила шиньон.

Остальные члены дачной коммуны подверглись такому же легкому допросу и все были отпущены.

сивая и симпатичная жена Гончарова застрелилась; это была первая женщина с юридическим образованием, успешно выступавшая в качестве защитника. Она первая устроила переписку с мужем, сидевшим в III отделении, через жандарма Голоненко, встречаясь с ним у молочницы. Затем она же и передала эту связь сестре моей Любови Ивановне, которая продолжала пользоваться услугами Голоненко в 1874—75 гг. Смертью Прасковьи (кажется, Степановны) Гончаровой трагедия не закончилась: младшая сестра ее, Лаврова, покушалась убить Утина, но промахнулась и застрелилась в его же кабинете.

[1] Зимой 1871 г. полковник присутствовал на обыске в коммуне технологов, где хозяйкой была Вильберг. У кого-то из них нашли карточку Ободовской с ее подписью. Взглянув на карточку, Кононов заметил: «Совсем не похожа». Действительно, у Ободовской был совсем не русский тип лица, курчавые волосы и монгольский разрез глаз. Но удивительнее всего то, что проделка эта не была обнаружена в 1874 г., когда и я, и сестра, и Ободовская предстали вместе на допросах в III отделении.

Чайковского продержали всего один месяц, в течение которого он успел подготовиться к кандидатскому экзамену по физико-математическому факультету.

IV.

В летние месяцы 1871 года в окружном суде разбирался процесс нечаевцев; суд был гласный, и подробные отчеты о показаниях и речах печатались в газетах. Все наши с большим интересом следили за делом и старались попасть на заседания суда. Мне одной нельзя было туда ходить, чтобы не обнаружить своего присутствия в Петербурге вместо Крыма.

Программа Нечаева, иезуитская система его организации, слепое подчинение членов кружка какому-то неведомому центру, никакой ровно деятельностью себя не проявившему, — все это нам, как «критически мыслящим личностям», отрицающим всякие авторитеты, было крайне антипатично. Отрицательное отношение к «нечаевщине» вызывало стремление устроить организацию на противоположных началах, основанных на близком знакомстве, симпатии, полном доверии и равенстве всех членов, а прежде всего — на высоком уровне их нравственного развития.

Большая часть подсудимых возбуждала к себе наше сочувствие, но поведение иных вызывало досаду: мы строго осуждали их неискренность, желание получить свободу путем разных уловок и умолчаний о своем настоящем образе мыслей. Но больше всего возмущали нас речи присяжного по-

веренного Спасовича. Система его защиты [1] была построена преимущественно на том, что он добивался оправдательного или снисходительного приговора для своих клиентов, характеризуя их, как неразвитых юнцов, поддававшихся чужому влиянию.

Но, несмотря на некоторые отрицательные черты, подсудимые этого громкого процесса тем не менее являлись борцами за освобождение от гнета правительства; критикуя основы их организации, молодежь поддавалась обаянию мысли о борьбе за идеи во имя правды и справедливости и стремилась найти лучшие пути для проведения их в жизнь.

V.

С половины августа 1871 года уезжавшие на лето в провинцию стали возвращаться в Петербург; они с оживлением рассказывали, какое громадное влияние имеют известного направления книги на умственное и нравственное развитие молодежи при ее горячей жажде знания.

На особом собрании нашего кружка был поднят вопрос: «будем ли мы заниматься дальше одним самообразованием»? Большинством голосов было постановлено: продолжая по мере возмож-

[1] Спасович продолжал практиковать свою систему даже в 80-х годах, напр., на процессе Веры Фигнер при защите Любови Чемодановой. Подсудимые по процессу «193-х», желавшие открыто выступить, как борцы за свободу, всегда избегали обращаться к этому знаменитому адвокату.

ности свое самообразование, поставить себе задачей:

1) приобретать и самим издавать книги по дешевым ценам,

2) снабжать ими студенческие библиотеки в Петербурге и провинции по тем же низким ценам,

3) содействовать устройству новых библиотек и кружков самообразования.

Из 15 человек, состоявших в кружке самообразования на Кушелевке, четверо отказались принять участие в новой работе, не желая манкировать своими занятиями в учебных заведениях. Это были — Ипполит Вернер, Басов, Кокушкин [1] и Надежда Кузминишна Скворцова [2].

---

[1] Привлекался по процессу «193-х», из кружка Лермонтова; заболел психическим расстройством, излечился в больнице св. Николая.

[2] Н. К. Скворцова училась на педагогических курсах вместе с О. А. Шлейснер и Верой Корниловой. По происхождению она принадлежала к купеческой семье. Мать ее, женщина необразованная, держалась старых понятий. Заметив у своей Нади склонность к новым идеям, так как она отказывалась выходить замуж за предлагаемых ей женихов, мать начала ее преследовать, и дело дошло до крупных об'яснений. После одной из таких ссор Скворцова прибежала вечером к нам ночевать, чтобы на другой день куда-нибудь уехать. Но позднее, почти ночью, вдруг явилась ее мать и весьма настойчиво, с криком стала требовать, чтобы дочь вернулась с нею домой. Как ни старались сестры ее уговорить, она стояла на своем и грозила, что разбудит нашего больного отца или призовет полицию. Убедившись, что не удастся ее спровадить, Скворцова решила ехать домой, предварительно взяв с матери клятву перед образом, что она пальцем ее не тронет. Когда мать торжественно исполнила это требование, Скворцова вышла к ней из комнаты, в которой заперлась, захватив

После того было принято предложение привлечь в состав кружка Д. А. Клеменса [1], Ф. Лермонтова [1], Н. А. Чарушина, мою сестру Веру Грибоедову, которая жила летом на Украине, и, наконец, заочно Василия Александрова [1], жившего уже за границей. Позднее, в конце 1871 г. и в 1872 г., поступили: Н. И. Драго, С. В. Мокиевский-Зубок, Л. Тихомиров, Л. В. Чемоданова (по мужу — Синегуб), Н. В. Купреянова (сестра М. В.), А. Д. Кувшинская (по мужу — Чарушина), Д. М. Рогачев и получившие особенно большую известность — С. М. Кравчинский, С. С. Синегуб, П. А. Кропоткин весной и Л. Э. Шишко осенью 1872 г.

VI.

В центральной части города была нанята квартира в 4 комнаты с кухней. Вера Грибоедова формально считалась ее хозяйкой. М. А. Натансон, Н. В. Чайковский, Н. К. Лопатин, М. В. Купреянов и О. А. Шлейснер были жильцами этой первой штаб-квартиры вновь организованного кружка, который и начал энергично развивать свою деятельность по широкой постановке «книжного дела».

с собой, на всякий случай, со стола вилку. Благодаря заступничеству дяди, мать уступила впоследствии ее желанию учиться, разрешив ей поступить на медицинские курсы. Случай этот может служить иллюстрацией к тому, какую ожесточенную борьбу с родителями приходилось вести нашему поколению женщин даже в самом Петербурге, чтобы поступить на курсы.

[1] Принадлежали раньше к кружку Натансона и Александрова.

Н. В. Чайковский производил обаятельное впечатление [1] своей красивой, симпатичной наружностью, своей искренностью, общительностью, способностью горячо увлекаться и увлекать других; одевался он прилично, вовсе не выглядел суровым нигилистом, чувствовал себя свободно в любом обществе и мог быть достойным представителем кружка при сношениях с издателями, книгопродавцами, либеральной и демократической публикой. Н. В. больше всех нас обладал способностью завязывать новые связи и добывать деньги на издания и широкое распространение книг в кредит, далеко превышавший платежные средства провинциальных кружков.

Между тем Натансон, отличавшийся глубокомыслием, обширной начитанностью и обладавший большим организаторским талантом, предпочитал руководить делом, не приобретая широкой популярности.

Кроме того зимой 1871—1872 года, на этой же квартире, на Кабинетской улице, Марк Андреевич был арестован и выслан в г. Шенкурск, Арх. губ. Шлейснер тоже уехала к нему, и там они повенчались. Вернулись они в Петербург только в 1875 г., когда почти все члены кружка сидели в крепости. В 1876 году Натансон организовал третий кружок, в шутку прозванный Клеменсом «троглодитами», которые так же искусно умели скрывать свои пещеры, как конспираторы этого кружка свои квартиры.

[1] «Чайковский произвел на меня обаятельное впечатление с первого же раза»,— вспоминал П. А. Кропоткин («Записки революционера», стр. 225).

Таким образом «книжное дело», получившее свое широкое развитие в 37 губерниях, вызвало издание особого циркуляра о сожжении книг, вместо преследования их гласным судебным порядком, и имело глубокое влияние на духовное развитие нашего поколения, — все это произошло уже в то время, когда Натансон, находящийся в Архангельской губернии, не мог принимать участия в делах кружка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Осенью 1871 г. преобразованный Натансоном и Чайковским кружок, вскоре получивший прозвание «кружка чайковцев», поставил себе задачей широкое распространение идейной литературы по всей России. С этой целью от издателей (Полякова, Солдатенкова) и книгопродавцев (Черкесова, Яковлева) получали книги с уступкой от 30 до 50% и даже по себестоимости. Кроме того, кружок стал издавать книги как в России, так и за границей. Вас. Александрову, уехавшему туда весной 1871 г., было поручено устроить в Цюрихе типографию и прежде всего напечатать собрание сочинений Чернышевского.

Совершенно независимо от влияния Натансона, даже вопреки его письменным увещаниям [1] — не увлекаться слишком практической деятельностью,

[1] « . . . Самая ссылка вообще меня нисколько не занимает» — говорит Натансон в своем письме к Ободовской от 31 января 1873 г. — «Я все думаю о той подготовке, которую должен себе дать в ссылке, — подготовку такую, чтобы, куда бы ни забросила меня судьба, я мог бы высоко держать знамя

а ставить на первый план научные занятия по самообразованию, — шло все дальнейшее развитие деятельности кружка.

Зимой 1871—1872 г. в Петербурге чайковцам удалось издать только «Азбуку социальных наук» Флеровского, да и та через несколько месяцев была из'ята из обращения; все же дальнейшие издания были сожжены на основании вновь вышедшего циркуляра, мотивированного слишком широким распространением книг (С 1865 по 1872 г. книги подвергались уничтожению или по высочайшему повелению, или по решению суда).

Этим широким распространением сначала легальных, а на следующие годы нелегальных изданий особенно и выделился кружок чайковцев. Кроме влияния умственного, «книжное дело» имело еще значение организующее, способствуя и давая цель для образования кружков в 37 губерниях и программу для занятий по самообразованию, а позже — легальные и нелегальные издания для пропаганды. Среди рабочих пропаганда эта с 1872 г. систематически велась тоже чайковцами и

народного дела. Я убеждаюсь—что всего страшнее—что полной системы или катехизиса совершенно пока еще нет у народной партии, что о народе можно пока сказать только — «напрасно пророка о тени он просит». Итак, задача подготовки выясняется: собрать все отдельные защиты народного дела, все отрывки и соединить их в одно стройное целое, — в нечто такое, что дало бы партии ответ на все вопросы, возникающие у личности. . . » (См. «Государственные преступления в России в XIX веке». Том III. Проц. 193-х, стр. 17—19).

Это звучало для нас, как голос схимника, давно удалившегося от жизни.

являлась указанием пути, как разрешить вопрос — «что делать?», еще не покидая студенческой скамьи.

II.

Деятельность кружка чайковцев и высокий этический уровень его развития с блестящим талантом и обстоятельностью описаны в «Записках революционера» Кропоткина, в очерке Шишко «С. М. Кравчинский и кружок чайковцев», в «Подпольной России» Кравчинского и в недавно изданных воспоминаниях Чарушина.

Что касается политических взглядов чайковцев, то я, с своей стороны, прежде всего всецело присоединяюсь к утверждению Чарушина: «Мы были ни лавристы, ни бакунисты и шли самостоятельным путем». Чайковцы воспитывались, главным образом, на русской литературе: живя в России, они не подвергались непосредственному влиянию широкой постановки движения рабочих в Западной Европе [1]. Журнал «Вперед» [2] Лаврова и «Государственность и Анархия» Бакунина были получены в Петербурге в конце 1873 г., незадолго до арестов (в ноябре и январе 1874 г.) большинства членов кружка и конечно не могли иметь влияние на направление деятельности кружка, широко для того времени развившейся среди рабочих уже с зимы 1872—73 г.

[1] За исключением П. А. Кропоткина.
[2] Вышел 1 августа 1873 г.

Как большая часть молодежи 70-х г.г., чайковцы, кроме русской литературы того времени, находились под влиянием и таких произведений иностранной, как сочинения Бокля, Милля, Лассаля, Бюхнера, Дарвина и др. Шишко в своем очерке описывает, как всецело был увлечен Кравчинский идеями Бокля, которыми молодежь того времени зачитывалась еще в гимназических кружках. Мне думается, что под влиянием того же Бокля кружок Натансона в 1869 г. начал, а чайковцы в 70-х годах так широко развили свою деятельность по организации систематического распространения и издания книг, способствуя образованию библиотек и кружков самообразования.

Перейдя к занятиям с рабочими, чайковцы придавали большое значение умственному развитию и подготовке сознательного кадра борцов за интересы трудящегося народа. В этом отношении они были ближе к лавристам. С другой стороны, уже одно, придуманное Клеменцом прозвище — «вспышкопускатели» — явно показывает ироническое отношение к осуществлению идей Бакунина на русской почве того времени.

Благодаря своим занятиям с рабочими, чайковцы по личному опыту могли убедиться в низком уровне их развития: ведь занятия с фабричными начинались с обучения грамоте, так как заводских с первоначальным образованием и начитанных рабочих в те времена было очень мало.

Тем не менее при чтении даже легальных рассказов, как «Дедушка Егор», «История одного крестьянина» Эркмана Шатриана и др., был выра-

ботан длинный ряд вопросов, неизменно приводивший к выводу о необходимости социальной революции для освобождения народа от нищеты, невежества и эксплоатации его труда.

Политическому освобождению народа в то время многие придавали мало значения и думали, что прежде всего, пока буржуазия в России не организована и не стоит у власти, — необходима революция социальная, последствием которой, как мы наивно думали, сама собой явится и свобода политическая.

III.

О. В. Аптекман, не состоявший членом кружка, дает о нем следующий правдивый и беспристрастный отзыв. «В центре всех петербургских кружков стоял кружок чайковцев. Он об'единял все кружки единым принципом — принципом обязательной выработки для революционной деятельности сознательной, теоретически подготовленной, стойкой личности с одной стороны, и единым, цементирующим все кружки в одно целое практическим делом — «книжным делом» — с другой».

«Чайковцы впервые сумели на практике согласовать дисциплину в кружке с свободным самоопределением членов кружка... ибо в основе их организации лежал принцип нравственной солидарности, безусловного доверия друг к другу» [1].

[1] О. В. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х гг., стр. 66.

Л. Э. Шишко обстоятельно выясняет — на какой основе созидалась эта нравственная солидарность.

«Среди членов кружка чайковцев существовали довольно значительные разногласия в теоретических взглядах, но это нисколько не нарушало внутренней гармонии кружка... На почве полного внутреннего единства развивались революционные идеи кружка, при чем исходной точкой при этом служил, разумеется, социализм.

Тот нравственный переворот, который заставлял тогда людей отрекаться от окружающего их буржуазного мира и уходить «в стан погибающих», совершался именно под влиянием социалистических идей.

Когда в кружке ставилась кандидатура нового члена, то прежде всего тщательно обсуждались и взвешивались именно нравственные свойства человека» [1].

На языке того времени подразделение на радикалов и либералов имело тоже нравственную основу: радикальная молодежь причисляла к либералам тех, кто не считал для себя обязательным осуществлять социалистические идеи и в личной своей жизни.

IV.

Программные вопросы мало интересовали членов кружка, они могли свободно располагать собою и искать наиболее подходящих для себя путей

[1] Л. Э. Шишко. Собр. соч., том IV, стр. 136, 137.

деятельности в народе. Таким образом, Сердюков по своей инициативе первый начинает заниматься с рабочими, заведя с ними знакомство у Низовкина и Лисовского; Кравчинский первый отправляется на пропаганду в деревню; Перовская уезжает с Ободовской в Тверскую губернию к Верещагину, а я поступаю на акушерские курсы сначала в Петербурге, потом в Вене и в 1872—73 гг. заканчиваю опять в Петербурге.

Разногласия в теоретических взглядах действительно нисколько не мешали отдавать все свои силы текущей, всецело охватывающей работе, о которой так восторженно вспоминает Кропоткин, говоря о времени своего пребывания в кружке чайковцев:

«Те два года, что я проработал в кружке Чайковского, навсегда оставили во мне глубокое впечатление. В эти два года моя жизнь была полна лихорадочной деятельности. Я понял тот мощный размах жизни, ради которого одного только и стоит жить. Я находился в семье людей, так тесно сплоченных для общей цели, и взаимные отношения которых были проникнуты такой глубокой любовью к человечеству и такой деликатностью, что не могу припомнить ни одного момента, когда жизнь нашего кружка была бы омрачена хотя бы малейшим недоразумением. Наш кружок оставался тесной семьей друзей... До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью» [1].

[1] «Записки революционера», стр. 238—245.

Надо заметить, что Кропоткин сделался членом кружка чайковцев не зеленым юношей, только что выпущенным из Пажеского корпуса, — в 1872 г. ему минуло уже 30 лет, он прослужил лет 5 в Восточной Сибири, совершил свои замечательные путешествия по Монголии и по Финляндии, сделал важное открытие о ледниковом периоде, внесшее переворот в прежде господствовавшие научные гипотезы по этому вопросу. Он был членом географического общества, в заседании которого 21 марта 1874 г. был прочитан его доклад о ледниковом периоде, а 26 марта он был арестован на улице.

Лишь осенью 1873 г. в кружке было заявлено о необходимости иметь свою программу, — П. А. Кропоткин взял на себя эту задачу. Собственно говоря, написанная им программа не служит теоретическим выражением той подготовительной работы, которую вел до того времени кружок, но имеет в виду установить направление деятельности будущей партии. «Записка» Петра Алексеевича, даже не названная программой, была прочитана на одном заседании кружка лишь незадолго до арестов большинства его членов, таким образом, члены петербургской группы не успели серьезно изучить и обсудить ее. Она является поэтому выражением личных взглядов Кропоткина и, по всей вероятности, вызвала бы немало возражений со стороны членов как петербургской группы, так и в провинциальных отделениях кружка, куда следовало ее направить, но чего вовсе не было сделано.

Чайковцы были люди дела, а не слова, — а дела на руках было так много, что нехватало времени и желания вести излюбленные в некоторых кружках того времени разговоры об устройстве будущего общества.

Кроме отделений в Москве, Киеве, Харькове и Одессе, кружок имел обширные связи по всей России, имел типографию за границей, приобрел в Вене и переправил в лечебницу Веймара типографский станок, устроил перевозку запрещенных изданий своих и других, принимал участие в издании журнала «Вперед», систематически распространял массу книг и нелегальных брошюр и воззваний для пропаганды (наиболее популярные из них были написаны чайковцами и еще много лет спустя употреблялись для пропаганды) [1]. Затем члены кружка занимались с фабричными рабочими нескольких заводов и фабрик в разных частях города и на своих квартирах, и в артелях, и кроме того читали лекции заводским рабочим [2].

Первый опыт открытой пропаганды в деревне был сделан тоже чайковцами — Кравчинским и Рогачевым.

---

[1] «Сказка о 4-х братьях» в 1898 году была первой нелегальной книгой, говорит соц.-рев. Мария Школьник в своем произведении — «Жизнь бывшей террористки» (стр. 16-ая).

[2] Кравчинский, Клеменц, Синегуб, Рогачев, Тихомиров, Перовская вели занятия за Невской заставой (где были заводы Семянникова и Торнтона); Шишко, Купреянов, Чарушин Кувшинская — на Петербургской и на Выборгской сторонах, где было много ткацких фабрик, и на Сампсоньевском проспекте; Леонид Попов, Чарушин и Жуков — за Московской заставой и на фабрике Жданова, на Петровском острове;

Глубокая любовь, идейная преданность народу и выдающаяся талантливость [1] помогали чайковцам зажигать сердца своей пропагандой с такой силой, что наиболее восприимчивые из рабочих [2] быстро проникались ненавистью к существующему строю и стремились принять участие в работе для его разрушения; попав в тюрьмы, они держались стойко и утверждали, что с ними занимались одной только грамотой или научными предметами.

Между тем и такие произведения Клеменца, как «Барка» и «Когда я был царем Российским», и «Чтой-то братцы» Шишко, и «Сказка о 4-х братьях» Тихомирова, и «Хитрая механика» Варзара, и стихотворения Синегуба, и другие подобные произведения были хорошо известны рабочим до их издания за границей и следовательно могут служить фактическим доказательством того, что пропаганда чайковцев не ограничивалась грамотой и наукой, но отличалась вполне революционным характером. Таким же фактическим доказательством революционного и социалистического

Драго, Кувшинская, Корнилова — на Лиговке; Рогачев был кочегаром на Путиловском заводе; Кропоткин, Кравчинский, Клеменц читали лекции рабочим Патронного завода на Выборгской стороне и на Васильевском острове.

[1] П. А. Кропоткин, С. М. Кравчинский, Л. Э. Шишко, Д. А. Клеменц, Н. А. Чарушин, Ф. В. Волховской, С. С. Синегуб, Л. А. Тихомиров — целая плеяда людей, выдающихся по уму, образованию и таланту.

[2] Так, например, крестьяне Тверской губ. ткач: Григорий Крылов, Петр Алексеев, Степан Зарубаев; из заводских — Виктор Обнорский, Алексей Петерсон.

направления кружка служат и книги, сожженные правительством в первый год его деятельности [1].

Деятельность кружка чайковцев может служить примером, как много может сделать группа людей, одушевленных горячей любовью к народу и действительно способных «отрекаясь от старого мира» все земные блага принести в жертву во имя своих идеалов.

Широкая деятельность кружка чайковцев после арестов 1874—75 гг. прекратилась, но отдельные члены кружка еще продолжали его работу. Кропоткин, Шишко, а также Кравчинский и Клеменц до от'езда за границу перебрались в Москву и много содействовали движению молодежи «в народ». в Петербурге Люба Сердюкова и Лариса Синегуб сделались основательницами помощи заключенным, впоследствии получившей название политического Красного Креста.

В дни свиданий в тюрьме они регулярно приносили передачу человек на 20, снабжая их бельем и продуктами домашней стряпни.

Передача книг была организована через особый стол в окружном суде. Немало заключенных сохранили тогда бодрость духа и получили основательные знания благодаря этой организации [2]; некоторые из них в 1878 г. после освобождения — в том числе Кибальчич и Грачевский — приходили познакомиться с нами [1] и выразить свою благодарность.

[1] 1 Флеровский. «Положение рабочего класса» (второе изд.);
2 Миртов. «Исторические письма» (второе издание);
3 Корьез и Ланжоле. «История Парижской Коммуны»;
4 Луи Блан. «История революции 48 года»;
5 Ланге. «Рабочий вопрос».

[2] В нашем распоряжении была прекрасно составленная библиотека Ник. Фед. Жохова (мужа покойной сестры), он был секретарем в сенате и с замечательным искусством копировал подписи на нелегальных паспортах.

Любовь Ив. была тесно связана с заключенными, в числе которых был ее муж, сестра и много друзей; кроме того, она могла отдавать довольно значительные средства, предоставленные отцом на личные расходы, на эту деятельность, которая была хорошо известна молодежи и всем сочувствующим, — часто являлись к нам незнакомые студенты и курсистки с деньгами, собранными на вечеринках и концертах [2], обращались еще и за разными сведениями или предложениями помощи для шитья белья и доставки книг. В. Н. Фигнер, в 1876 г. вернувшаяся из-за границы, с своей стороны организовала помощь подсудимым по процессу 50-ти, так что они были хорошо снабжены деньгами и всем необходимым при отправке на каторгу и в ссылку.

VII.

В июле 1876 г. выпущенные на свободу члены кружка чайковцев с участием Ор. Эд. Веймара и других лиц организовали побег П. А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя. На мою долю выпало ожидать Веймара с освобожденным

[1] Освобожденная в марте 1876 г. на поруки, я приняла деятельное участие в этом деле.

[2] Даже на лекциях и всяких собраниях молодежи постоянно пускали в ход «шапку» для сбора денег в пользу заключенных.

Кропоткиным на городской квартире отца, по Гончарной улице, соединенной проходным двором с Невским проспектом. В квартире на лето оставался один лакей; я отправила его с запиской на Васильевский остров по несуществующему адресу, а сама с С. Н. Лавровой осталась их ожидать. Томительно длилось время... Надежда на счастливый исход сменялась сомнением... Наконец в воротах с Невского показались два изящно одетых господина в цилиндрах. Мерным шагом шли они по двору, оживленно разговаривая и жестикулируя; наконец они вступили в проход и по черной лестнице поднялись в нашу квартиру. Не берусь описать восторга, с которым мы их встретили. Ор. Эд. Веймар, тщательно обдумавший все детали, захватил с собой ножницы — и в несколько минут чудная, окладистая борода была срезана. Для расспросов не было времени... через полчаса по парадной лестнице они вышли на Гончарную, где за углом ждала их карета. Я возвращалась на дачу в Новую Деревню в таком восторженном настроении, какого больше не испытывала в своей жизни. Мне не сиделось на месте — своими порывистыми движениями и сияющим лицом я обращала на себя внимание других пассажиров медленно ехавшей конки. С трудом досидев до остановки, я бегом пустилась на дачу сообщить сестре и Ларисе Васильевне об удачном побеге [1].

---

[1] В 1926 году в журнале «Каторга и Ссылка» впервые увидала я мою фотографию в том костюме и в такой прическе, в какой я была единственный раз в жизни, когда нарядилась для пробы, могу ли я изобразить «даму», под'ехавшую на рысаке, который должен был увезти Кропоткина. Фотография эта, взятая из архива III отделения, показывает, что за мной следили, а самое главное—приезд Кропоткина на нашу квартиру прозевали.

VIII.

Наконец, 18 октября начался суд. Пять дней продолжался сплошной праздник для подсудимых, когда они все являлись на заседания. Необыкновенно сильное впечатление производил Желябов: в нем чувствовалась могучая сила, непоколебимая уверенность в успехе своей работы, что действовало на всех самым ободряющим образом.

На процессе 193-х чайковцы, работавшие в Петербурге, судились в первой группе, и они отказались (к сожалению за исключением Ободовской) принимать участие в суде, имеющем заранее составленные решения. С. Л. Перовская проявила большую находчивость: оставленная на свободе, она приходила на заседания «с воли» и не знала, как решили отвечать заключенные; в виду этого она отказалась отвечать на вопросы о виновности в отсутствие других подсудимых, а потом перестала ходить на заседания.

После бурных заседаний и инцидентов на суде, особенно после речи Мышкина, когда первоприсутствующий ушел, позабыв об'явить заседание закрытым, судьи растерялись и пошли на уступки. Чем же об'яснить иначе освобождение многих подсудимых (в том числе и мое) почти за два месяца до окончания процесса и небывало мягкий при-

говор, да еще с ходатайством о смягчении наказаний, определенных по закону.

«Неожиданное освобождение подсудимых, выпущенных после нескольких лет заключения, вызвало необычайное оживление: молодежь ликовала, старые и новые друзья приветствовали освобожденных, как выходцев с того света, а они, измученные и разбитые физически, забыв только-что перенесенные страдания, с жаром, свойственным молодости и долго сдерживаемым порывам, уже мечтали о новой деятельности, создавали новые планы для осуществления своих идей»... [1] Ходатайство суда, как известно, не было утверждено: Синегуб, Чарушин [2], Шишко, Рогачев, Костюрин, Зарубаев, Союзов, вместо поселения, пошли на каторгу; кроме того, до 80 человек оправданных были отправлены в ссылку. Отчасти ответом на это явилось убийство Мезенцова Кравчинским, который среди бела дня заколол его кинжалом в грудь и был увезен на том же рысаке Варваре, служившем для освобождения Кропоткина [3].

В 1878 г. Кравчинский действовал совместно с членами организованной Натансоном партии «Земля и Воля», которая уже включила в свою

---

[1] В. Фигнер. «Запечатленный труд», стр. 103—104.

[2] За Синегубом и Чарушиным последовали добровольно на Кару их жены: Л. В. Чемоданова и Л. Д. Кувшинская.

[3] Когда Варвар был забран в полицию, его взял для своих выездов полицеймейстер Крачек. 1 марта умирающий Ал. II на санях этого полицеймейстера был отвезен Варваром в Зимний дворец.

программу «дезорганизацию власти» и в своей прокламации «Смерть за смерть» убийство Мезенцова отнесла исключительно за счет казни Ковальского. Тем не менее я могу утверждать, что первоначальный толчок был дан выстрелом Засулич и издевательством над судьбой лучших друзей деятельности Кравчинского.

IX.

На суде по процессу 193-х чайковцы выдающихся речей не произносили, но до окончания процесса в числе 23-х, признанных стоявшими во главе, были переведены в крепость, и перед отправлением на каторгу и в ссылку 12 чайковцев подписали известное «Завещание».

В. Н. Фигнер отмечает значение кружка чайковцев следующими словами:

«В противоположность югу, на севере вопрос об организации был одним из самых серьезных вопросов, и удовлетворительное решение его оказало громадные услуги революционному делу, так как обеспечивало преемственность, накопление опыта и постепенную выработку высшего типа организации. В самом деле, южане исчезли, не оставив на месте никакой традиции, их родословное древо прервалось: как каракозовцы, нечаевцы, долгушинцы, они были вырваны с корнем; отдельные, очень немногие уцелевшие личности, если и были, то приставали к новым группам и вполне поглощались ими. А на севере, благодаря большей

организованности, существовала преемственность революционных групп: чайковцы — последняя группа, носившая имя отдельного лица — положила в 1876 г. начало общ. «Земля и Воля», а из него в 1879 году образовалась партия «Народной Воли». (Запечатленный Труд, т. 1, стр. 85).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Список членов кружка чайковцев по группам

В мае и июне 1928 г. вместе с Н. А. Чарушиным и М. Ф. Фроленко я работала над составлением альбома с фотографиями членов кружка чайковцев. Работа эта дала нам точные данные о составе различных отделений кружка, о числе их членов и ближайших сотрудников; к последним мы причисляем лиц, не входивших формально в состав кружка, но принимавших деятельное или существенное участие в его работе.

Члены петербургской группы: Александров Василий, Ахрименко, Батюшкова В. Н., Волховский Ф. В., Гаунштейн И. И., Драго Н. И., Зубок-Мокиевский С. В., Клеменц Д. А., Корнилова А. И., Корнилова В. И., Корнилова Л. И., Кравчинский С. М., Кропоткин П. А., Кувшинская А. Д., Купреянов М. В., Лермонтов Ф. Н., Лопатин Н. К., Натансон М. А., Ободовская А. Я., Перовская С. Л., Перовский В. Л., Сердюков А. И., Синегуб С. С., Синегуб Л. Вас., Тихомиров, Чайковский, Чарушин Н. А., Шишко Л. Э., Шлейснер О. А., Эндауров А. М. — 30 членов.

Ближайшие сотрудники: Богданович Ю. Н., Веймар О. Э., Грибоедов Н. А., Купреянова Н. В., Левашов А. К., Попов Л. В., Рогачев Д. М., Шлейснер М. А., Шапиро Л., Стаховский, Эпштейн А. М., Ярцев А. В., Зарубаев и Союзов—14 сотрудников.

В Московской группе—19 человек (из них двое в П. Б. гр.): Аносов Н. М., Аркадакский К. Вас., Армфельд, Батюшкова В. Н., Гамов Изм. Ив., Клячко Самуил, Князев, Лебедева Т. И., Лопатин Всев., Ал. Лукашевич, Ал-др Ос. Малиновский, Морозов Н. А., Саблин Н. А., Тихомиров Л. А., Фроленко М. Ф., Цакни, Селиванов И. Ф., Соловцовский М. Гавр., Алексеева Олимпиада Григ.

В Одесской и Херсонской группах — 11 человек (в П. Бг.): Антонова-Волховская, Волховской, Дическуло, Желтоновский, Желябов Андрей Иван., Костюрин Викт. Ф., Лангс Март. Гуд., Макаревич Петр Марк., Франжоли Андрей Афан., Чудновский Сол. Лаз.

В Киевской группе — 8 человек: Аксельрод Пав. Бор., Каминер Софья, Левенталь, Рашевский, Эмме, Гольденберг, Лазарь, Лурье.

В Харькове — Лизогуб, Дм. Андр.

В Орле — Маликов Ал-др., Капитон Оболенский.

В Казани — Овчинников, Евгений Мих.

В Туле — Цвиленев, Ник. Фед.

Цена 22 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) Правление и склад Издательства Политкаторжан Москва, 34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазин Издательства Политкаторжан „МАЯК“ — Москва-Центр, Петровка, 7, тел. 4-18-12 и 3-63-20.